

Солодовникова Н.В.

УДК 811.161.1: 81'373.612.2'42

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В современной лингвистике можно считать общепризнанным, что метафора является инструментом познания, средством организации опыта взаимодействия человека с окружающим миром. Метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума играет важную роль в категоризации окружающей действительности. Основная функция метафоры заключается в том, что она позволяет сделать исследуемый нами объект доступным для окружающих, а это происходит потому, что сами процессы мышления метафоричны. Метафорические выражения используются в различных дискурсах: научном, педагогическом, юридическом, политическом, публицистическом и т.д. Необходимость систематизировать метафорическое словоупотребление породила теорию метафорического моделирования. *Актуальность* нашей статьи представляется в том, что в ней описана теория метафорического моделирования как способ структурирования человеческого опыта. *Предмет исследования* – проблема классификации и типологии метафорических моделей, их взаимодействие и взаимопроникновение. *Цель* данной статьи – раскрыть специфику метафорической модели и ее функционирование в публицистическом дискурсе. Поставленная цель достигается путем решения следующих *задач*: 1) дать определение метафорической модели; 2) определить ее составляющие, функции и методику анализа.

В современной когнитологии существует два определения метафорической модели. Первое из них принадлежит автору дескрипторной теории метафоры А.Н.Баранову, который метафорической моделью называет понятийную область (область источника в когнитивной интерпретации метафоры), элементы которой (смыслы и сочетания смыслов) связаны различными семантическими отношениями («выполнять функции, «способствовать», «каузировать», «быть частью», «быть видом», «быть примером» и др.), причем каждый элемент модели соединен с другими элементами более сильными связями, чем с элементами других понятийных областей [1, с. 15]. Другие же исследователи (Дж.Лакофф, М.Джонсон, А.П.Чудинов) считают, что название модели содержит всегда два компонента: сферу-источник и сферу-магнит. Сфера-источник структурирована пропозициональной или образно-схематической моделью. Отображение в типичном случае является частичным; оно отображает структуру идеальной когнитивной модели (ИКМ) в сфере-источнике на соответствующей сфере-мишени [3, с. 374]. Вслед за И.А.Филатенко, мы считаем, что под метафорической моделью следует понимать «не понятийную сферу-источник со всеми возможными связями ее элементов, а динамичную структуру, вскрывающую когнитивный механизм образования метафоры, демонстрирующую взаимодействие области-источника и области-цели» [8, с. 162].

Метафорические модели должны исследоваться в дискурсе, в тесной взаимосвязи с условиями их возникновения и функционирования, с учетом авторских интенций и прагматических характеристик, на широком социально-политическом фоне. Система метафорических моделей – это важная часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей соответствующего народа и современной социально-политической ситуацией. Метафорическая модель – это существующая или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами. Таким образом, знания о мире заключены в метафоре в двух смыслообразующих элементах когнитивной модели метафоры – содержании / источнике и оболочке / цели (М.Блэк, А.Вежбицкая, А.Ричардс). Рассматривая функции метафорического моделирования, исследователи делают вывод о том, что при его помощи человек «как бы отмечает пункты наиболее напряженной активности человеческой мысли по выработке адекватного миропонимания», эти модели своего рода «фрусло, по которому привычно движется бессознательная творческая активность всенародного сознания, и дискуссионное поле, творческая лаборатория по созиданию образа мира у человека» [5, с. 208].

Метафорическое моделирование позволяет осмыслить реальность, выразить свое отношение к ней и сформировать соответствующее восприятие у реципиента, но при этом метафора «балансирует между сказанным и несказанным» [там же], создавая новые возможности для интерпретации, методики ее исследования.

Одной из таких методик исследования и стала концепция *реконструкции мифологических основ в семантической структуре метафоры* [7]. Важность предложенной методики заключается в том, что номинация метафорического типа строится на основе стереотипов мировосприятия, характерных для этноса. Определенные стереотипы мировосприятия порождают определенные архетипы метафорической номинации. В большей степени данное положение относится к метафорам природы, образы которых базируются на мифологемах. В качестве материала для анализа рассмотрим следующую фразу: *Смерч предвыборной кампании втянул и выплюнул политические тушки не только оставшихся за бортом кандидатов* (Зеркало недели, № 52 (273) 31 декабря – 14 января 2000). Смерч – это «атмосферный вихрь, возникающий в грозовом облаке и распространяющийся вниз, часто до самой поверхности Земли в виде темного рукава или хобота» [МАС, т. 4, с. 152]. Интенционал метафоры связан с мифологическим значением *ветра* как разрушительной силы. В метафоре образ *ветра* (*смерча*) персонифицирован, что соотносится с мифологическим представлением о ветре как о живом существе. Особого внимания заслуживает семантика глаголов. *Втянуть*: «вобрать в себя, захватить внутрь» [МАС, т. 1, с. 241]. Такое действие происходит обычно помимо воли субъекта. *Выплюнуть*: «выбросить, удалить изо рта плевком»

[МАС, т. 1, с. 271]. Актуализируются семы 'использовать' и 'избавиться, как от чего-то ненужного'. Кандидаты в предвыборной кампании названы тушками, т.е. неживыми существами, что усиливает пренебрежительную окраску. В этом выражении пересекаются разные метафорические модели: «ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ – это АТМОСФЕРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ» (*смерч предвыборной кампании*) и «ПОЛИТИКА – МИР ЖИВОТНЫХ» (*политические тушки*). Усилению прагматического потенциала метафоры способствует использование фразеологизма *остаться за бортом*: 'вне дела, не участвуя в деле, предприятии, игре и т.д.' [9, с. 43]. Прагматическое значение метафорического выражения 'политиков использовали как инструмент в предвыборной кампании, а затем от них избавились, и они прекратили активную политическую деятельность'.

Как уже было сказано, каждый образ, заключенный в метафоре реализует некую модель. Для нашего исследования представляется принципиально важным определить ведущие признаки, позволяющие определить принадлежность слова к той или иной модели. Основываясь на работах Д. Лакоффа [3, с. 359 – 362], А.П. Чудинова [10, с. 44 – 46], в результате анализа и классификации собранного нами материала мы выяснили, что при описании метафорической модели должны быть охарактеризованы следующие ее составляющие:

1. Исходная понятийная область (сфера–источник, сфера–донор, сигнификативная зона, источник метафорической экспансии), то есть понятийная область, к которой относятся неметафорические смыслы охватываемых моделью единиц. Понятийная сфера представляет собой семантическую область, к которой относятся слова в первичном значении.

2. Новая понятийная область (сфера – мишень, ментальная сфера – магнит, денотативная зона, реципиентная зона, направление метафорической экспансии), то есть понятийная область, к которой относятся метафорические смыслы соответствующих модели единиц.

3. Относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира. Эти фреймы изначально структурируют исходную концептуальную сферу (сферу-источник), а в метафорических смыслах служат для нетрадиционной ментальной категоризации сферы-магнита.

4. Составляющие каждый фрейм типовые слоты, то есть элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации.

5. Компонент, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц, т.е. выяснить, что дает основания для метафорического использования соответствующих концептов, почему понятийная структура сферы-источника оказывается подходящей для обозначения элементов совсем другой сферы.

Следует также обратить внимание на прагматический потенциал исследуемой метафорической модели. Прагматический потенциал модели (сценария, фрейма, слота) – это типовое эмоциональное воздействие, которое способно оказать соответствующее влияние на адресата. С точки зрения когнитологии прагматическая функция метафорической модели наиболее важна. Говорящий с помощью метафоры создает образное представление, формируемое через ассоциативный ряд, выбирает отвечающую цели высказывания стилистическую окраску, в результате у адресата формируется «необходимое говорящему мировосприятие» [11, с. 94 – 101]. Как было показано в нашем исследовании [7], метафора с исходной понятийной сферой-источником Природа содержит значительный потенциал для реализации прагматической функции во многом благодаря своей мифологической основе, поскольку природные сферы (вода, огонь, земля, растения, животные, дождь, весна, зима, ветер, солнце и т.д.) становятся источниками метафоры в публицистических текстах уже будучи символически нагруженными и обладают мощным ассоциативным ореолом как для говорящего, так и для слушающего.

Анализ метафорической модели в когнитивной лингвистике предполагает построение фреймово-слотовой структуры. **Фрейм** является структурой данных для представления стереотипной ситуации. С каждым фреймом ассоциирована информация разных видов. Одна ее часть указывает, каким образом следует использовать данный фрейм, другая – что предположительно может повлечь за собой его выполнение, третья – что следует предпринять, если эти ожидания подтвердятся. То есть знания человека о мире строятся в виде фреймов-сценариев, динамических фреймов. Исходя из теории фреймов М. Минского, фрейм можно представить как сеть, которая состоит из узлов и связей между ними; каждый узел должен быть заполнен своим «заданием», представляющим собой те или иные характерные черты ситуации, которой он соответствует. Если верхние узлы сети всегда четко определены, поскольку сформированы такими понятиями, которые всегда справедливы относительно предполагаемой ситуации, то на нижнем уровне имеется множество вершин-терминалов (*слотов*), которые должны быть заполнены частными данными на основе известной ситуации [4, с. 23]. Таким образом, слот представляет собой частную реализацию фрейма.

Фреймово-слотовое структурирование позволяет рассмотреть когнитивные основы метафоры, выделить актуальные понятийные сферы-источники. Справедливость приведенного выше утверждения можно подтвердить примером: *По общему признанию оппонентов лидера страны, его постпред воспринимался как верный, но отнюдь не злобный ценный пес Кучмы. Все изменил «кассетный скандал». Неразговорчивый и неприметный Бессмертный практически не слезал с телевизионных экранов и газетных полос, оказавшись самым активным и самым агрессивным защитником гаранта и превзойдя в рвении многих куда более влиятельных членов окружения Президента* (о Р.Бессмертном) (Зеркало недели, № 31 (506) от 7.08.2004 г.). Приступая к анализу приведенного высказывания, важно отметить синонимию слов: *собака – пес*. Слово *собака* в просторечии употребляется и как бранное слово, и как выражение одобрения

[МАС, т. 4, с. 168 – 169]. В зависимости от позиции автора эта лексема имеет разный коннотативный фон. Слово *пес* характеризуется совсем другой коннотацией. Так говорят ‘о человеке, вызывающем презрение, негодование своими поступками’ [МАС, т. 3, с. 113]. Интенционал метафоры презрение, негодование. Важность для лингвистического анализа представляет сочетание *цепной пес*, где актуальна не столько сема ‘зависимость’, но прежде всего ‘злость’, что соотносится с переносным значением этого словосочетания: ‘злой, кровожадный человек, слепо выполняющий волю «хозяина», исполняющий его даже самые жестокие приказы’ [6, с. 159].

Если толковать данный пример буквально, мы не сможем сконструировать осмысленной сцены. Необходимо использовать психокультурную информацию о том, что люди обычно испытывают страх по отношению к собаке вообще и к сторожевой собаке в частности, хотя цепь служит неким гарантом их безопасности. Важно также отметить, что в русском языке за лексемой «пес» закреплены следующие метафорические характеристики: «заискивающий, подбострастный, грустный, подавленный» [2, с. 62]. Такие характеристики являются источником отрицательных ассоциаций, которые вызывает в сознании носителей русского языка приведенная выше метафорическая характеристика, формирующая отрицательный прагматический компонент. Контекст употребления метафоры разрушает данные характеристики. Р. Бессмертный воспринимался как *верный, отнюдь не злобный* друг, к тому же зависимый (цепь), а оказалось, что этот человек способен на активные и даже агрессивные действия.

Таким образом, метафора не просто отражает действительность, она создает ее модель в сознании человека, поэтому интерпретация метафоры включает исследование двух смыслообразующих элементов когнитивной модели метафоры – содержания / источника и оболочки / мишени. Анализ использования структурных единиц моделей на основе семантики фреймов позволяет определить не только продуктивность конкретных моделей, но также выявляет их взаимосвязанность. Как правило, взаимосвязанные и взаимопересекающиеся модели, использованные внутри текста, становятся средством внедрения некоторой концепции описываемой реальности благодаря тому, что они представляют собой сложный вербально-образный комплекс. Способность метафоры отражать картину мира в общественном сознании и формировать представления о мире выдвигает на первый план прагматическую функцию метафорических выражений.

Источники и литература:

1. Баранов А. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Ин-т русского языка РАН, 1991. – 193 с.
2. Козлова Т. В. Семантика фразеологизмов животных в современном русском языке / Т. В. Козлова. – М. : МГУ, 2003. – 192 с.
3. Лакофф Дж. Женщины, огонь и другие опасные вещи : Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
4. Минский М. Фреймы для представлений / М. Минский. – М. : Энергия, 1979. – 152 с.
5. Постовалова В. И. Судьба как ключевое слово культуры и его понимание А. Ф. Лосевым / В. И. Постовалова // Идея судьбы в контексте разных культур. – М., 1994. – С. 208.
6. Русское культурное пространство : Лингвокультурологический словарь : вып. первый / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2004. – 318 с.
7. Солодовникова Н. В. Міфологічний аспект метафори у російському публіцистичному дискурсі : дис. ... канд. філол. наук: 10.02.02 / Н. В. Солодовникова. – Сімферополь, 2008. – 215 с.
8. Филатенко И. А. Политические метафоры борьбы в газетной коммуникации Украины (когнитивное описание) / И. А. Филатенко // Русский язык и литература : проблемы изучения и преподавания в школе и вузе : сб. науч. тр. – К., 2006. – С. 162.
9. Фразеологический словарь русского языка : свыше 4 000 словарных статей / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1986. – 543 с.
10. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
11. Чудинов А. П. Теория метафорического моделирования действительности на современном этапе развития / А. П. Чудинов // Лингвистика : бюл. Урал. лингвистического о-ва / Урал. гос. ун-т; отв. ред. В. И. Томашпольский. – Екатеринбург, 2000. – Т. 5. – С. 94-101.